

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА

И

СЪВЕРНЫЙ АРХИВЪ.

1831 № XL.

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ЛЕЙТЕНАНТЪ БЪЛОЗОРЪ.

ПОВѢСТЬ.

(Продолженіе.)

ГЛАВА VIII.

Вотъ такъ-то свѣшъ идешь; но почему онъ такъ,
Не въдаешь того ни умный, ни дуракъ.

Фонъ-Визинъ.

Поутру, на другой день, приказъ захватить Саарвайерзена былъ подписанъ Комендантомъ Флессинга, и двѣнадцать солдатъ, для исполненія этого, наряжены; отдавая однако жъ Монпаню повелѣніе, Комендантъ замѣтилъ ему, что безразсудно было бы арестовать человека всѣми уважаемаго и очень любимого рабочими, посреди его фабрики, гдѣ народъ можетъ возмутиться и отбить плѣн-

ипка, а потому совѣтовалъ выманишь его отпуда подѣ какимъ нибудь предлогомъ, и потомъ взявъ въ укромномъ мѣстѣ и безъ шуму. Капитанъ отдавалъ въ закладъ всѣхъ своихъ предковъ, что онъ смастерить дѣло такъ искусно, что сами бѣсы будутъ краснѣть отъ зависти.

Случай — эта повивальная бабушка всего худого и добраго, натолкнулъ какъ будто нарочно Капитана на долгоногаго Гензіуса, который какъ апсть шагаль по кирпичной набережной мушного канала. За нимъ шелъ человекъ въ мапрозской курткѣ, съ узломъ въ рукахъ. Монпанъ остановился: носъ таможеннаго есть самый чувствительный инструментъ въ своемъ родѣ... въ старину вѣрили въ чудесный прутникъ, открывающій клады и ключи... этошъ прутникъ, въ наше время, осуществился въ носу досмотрщика: лучше всякаго ворона чуюшъ они добычу, и будь контрабанда спрятана хоть въ желудкѣ — отъ нихъ она не скроется.

„Тупъ что нибудь да не даромъ,“ подумалъ Капитанъ, поворачивая носомъ какъ флюгеромъ... „Гензіусъ выходитъ отъ банкира! Гмъ, ге! Этошъ рыбакъ самой удалой смоглеръ и ужъ не разъ вырываль у меня изъ подѣ носу лакомые куски..... вѣрно какая нибудь отправка въ походъ! Да ужъ не сно-

шенія ли съ непріятельскимъ флотовъ?...
 Зачѣмъ эти сдѣлки денежныя? — Почему
 онъ взялъ, чортъ вѣдаетъ откуда, чужаго че-
 ловѣка, когда своя контора набита поден-
 щиками, что за связка у него въ рукахъ?“ —
 И вопъ Капитанъ мой уже бѣжалъ вслѣдъ
 за Гензіусомъ, и, запыхавшись, схватилъ его
 за полу. „Bon jour, дорогой Жензіусъ!“ сказалъ
 онъ.

Гензіусъ кисло улыбнулся, отвѣчая по-
 клономъ, и хотѣлъ продолжать путь свой,
 но безопвязный Капитанъ повѣсилъ у не-
 го на рукавъ. „Куда идете?“ спросилъ онъ.

„Прямо по дорогѣ,“ отвѣчалъ потъ.

„Замысловаго, г-нъ Гензіусъ, очень за-
 мысловаго; это доказываетъ, что на пощакъ
 и Голландскій умъ можетъ лепать по край-
 ней мѣрѣ какъ воланъ... но такъ какъ я увѣ-
 ренъ, что вы не промѣняете добраго зав-
 трака на всю остроуму человѣческаго рода,
 то не угодно ли будетъ сдѣлать мнѣ честь
 завернуть въ ближнюю гостиницу? Что
 тамъ за портеръ! Я хоть и таможенный, да
 гляжу на все то сквозь пальцы, что цѣжу
 сквозь зубы.“

„Портеръ?“ — произнесъ Гензіусъ, обли-
 зываясь, и ужъ спутилъ было въ спорону,
 когда мысль, что ему еще куча дѣла по пору-
 ченіямъ хозяина и по закупкамъ Бѣлѣзора,

остановила его будто камень преткновенія.
„Благодарю покорно,“ отвѣчалъ онъ со вздохомъ :... „ни минулы нѣтъ времени до другаго раза, Капшанъ...“

„И, полно-те, г-нъ Бухгалтеръ! Сухое и перо не пишетъ, и чтобы подкрѣпить ноги, надо приласкать брюхо.“

„Чувствую истину этого, и не могу ею воспользоваться ... прощайте, Капшанъ!“

„Жаль, право жаль, любезный г. Гензіусъ, а мнѣ бы надо было поговорить съ вами о новомъ подрядѣ на сукна. Я сегодня по порученію Генерала поѣду въ Фламъ-гаузъ.“

„И поѣдете напрасно ; хозяинъ мой сегодня цѣлый день будетъ счищаться съ мельникомъ ... нынѣ начало мѣсяца !“

„На мельницѣ? Ага!“ радостно подумалъ Монпанъ: „золотой боченокъ самъ капишся къ намъ въ погребъ ... Дѣльно! Теперь г. счепчикъ, можешь идти, куда хочешь: я вытащилъ изъ твоего носу червячка и безъ завтрака.“ — „Брикел!“ вскричалъ онъ: „слѣди эшаго архибестію рыбака Фландеркина, пошли вслѣдъ за нимъ человекъ пяць издали и скажи — если увидятъ, что онъ гошовишся спустишь лодку въ море — цапъ его за бокъ и тащише ко мнѣ на брандвахту; оспальныхъ солдатъ положи, когда спемнишся, въ засаду близъ мельницы Саарвайерзена, и всѣхъ, кто

въ ней, захвати, и веди въ городъ за конвоемъ... мужчинъ и женщинъ. Смотри же, не выпускай никого, а пуще всѣхъ спарика.“

„Будетъ исполнено, Капишанъ!“ отвѣчалъ Брике:..., только при дѣлѣхъ не забудьте, что я васъ навелъ на дичинку, а то до сихъ поръ начальники брали деньги, а мнѣ оставляли одни пычки... только изъ этой поживы они не брали законной себѣ доли!“

„Будетъ всемъ пожива!“ отвѣчалъ Капишанъ, поширая руки.

Такимъ-то образомъ високоумный Гензіусъ, желая избавить хозяина отъ посѣщенія не ксѣати, предалъ его въ руки бездѣльниковъ. Такимъ-то образомъ и самая извинительная ложъ — рано или поздно, но всегда спановишся вредною.

Къ вечеру Саарвайерзенъ съ Викторомъ и дочерью, которая настаивала на томъ, чтобы проводить своего жениха, пріѣхали на мельницу. Матрозы ихъ ждали тамъ еще съ прошлой ночи, и когда спало смеркаться, все было готово къ отправленію. Покуда еще хоть день, хоть часъ, хоть мигъ остаеѣтся до разлуки, сердца любовниковъ не перестаютъ еще надѣяться; они, кажется, ждутъ чуда, которое отвратитъ ее, но за то тѣмъ ужаснѣе бываетъ для нихъ минута разста-

ванья; она всегда для нихъ внезапна и будто разсѣкаетъ ихъ по поламъ. Жанни плакала и молчала; напрасно шупилъ надъ нею отецъ, напрасно утѣшалъ Викторъ, и наконецъ все шрое устылсь, какъ будто провожая кого-то не къ избавленію, а на казнь. Время уходило... Саарвайерзенъ вынулъ часы и, не говоря ни слова, подавилъ пружину: они звонко пробили пять.

Викторъ вспалъ съ тяжкимъ, глубокимъ вздохомъ; рыдая, упала Жанни на грудь отца. „Прости, Викторъ, прости навѣчно; я предчувствую, что мы болѣе не свидимся!“ произнесла она: — „прости!“

Викторъ пламенно поцѣловалъ оставленную ему руку, и его слеза канула на нее. „Достойная Жанни!“ сказалъ онъ: „пусть эта капля будетъ печатью душевнаго союза, и да откажетъ мнѣ Богъ въ слезахъ въ горькіе часы жизни, если я для какихъ бы то ни было радостей замедлю своимъ возвратомъ!“

„Два аршина съ четвертью!“ вскричалъ отецъ, обнимая отпѣзжающаго и вытирая о его плечо глаза свои: „Откуда набрались вы этихъ романтическихъ покровокъ?.. Ну, утѣшся, причудница; успокойся, моя милая: новая весна приноситъ новые цвѣты, и коли вы въ самомъ дѣлѣ такъ другъ друга любите, мы васъ обстрижемъ подъ одну ворсу. — Въ чуд-

ные вѣки мы живемъ, въ чудные вѣки!“ ворчалъ Саарвайерзенъ, взлѣзая на лошадь:... „вчера еще поутру я бы ручался, что моя Жанни не опмичитъ пѣтуха отъ курицы — а теперь! Два аршина съ четвертью! И еще не дождавшись законнаго возраста!.. смотри, пожалуй!“

Отъ мельницы шли двѣ дороги къ морю: одна прямо, по которой шелъ Викторъ послѣ кораблекрушенія, другая правѣе на Дендермондъ; по сей-то послѣдней отправились наши путники. Викторъ ѣхалъ безмолвенъ, снѣдая печаль въ сердцѣ. Саарвайерзенъ, видя, что съ влюбленнымъ плохая бесѣда, разговаривалъ съ проводникомъ, несшимъ фонарь. Машрозы, идучи позади тихомолкомъ, шутили промежъ собою. „Что жъ мы, брашцы, станемъ рассказывать товарищамъ у табачнаго бака, если Богъ принесетъ на свой корабль?“ сказалъ урядникъ.

„Что лягушки здѣсь царствуютъ, а люди живутъ, какъ у насъ лягушки!“ отвѣчалъ одинъ.

„Вошъ ужъ напрасно охалъ Голландію,“ возразилъ другой: „стыдно, гдѣ пить, тутъ и рюмки бить! Чего тебѣ здѣсь недоставало? Можжевельной — хоть не пей; свѣжны вдоволь!.. закорми чушку, она спанетъ жаловаться, что бока оплела!“

„И впрямъ, братъ, грѣшно словомъ укорить нашихъ хозяевъ: чего только душенькѣ угодно, давали. Хлѣбъ бѣлый, какъ мѣсяцъ, сыръ обѣденъе, да упромъ еще и кофеи!“

„Хвали, хвали хозяевъ, а они себя на умъ: ржаной корочки допроситься я не могъ, а эти опрѣсноки оскомину набили. — Видѣлъ, братъ, я, что они и съ кофея по одной жижицей насъ подчивали, а гущу все себя оставляли. А про сыръ и говорить нечего, весь въ дырахъ! Небось, молодые сыры подальше хоронятъ... А ужъ и подмѣшилъ я у нихъ здоровенные, что твоя кирпичъ! Въ одномъ фунтѣ фунта два будетъ!“

„У всякаго своя заведенція,“ примолвилъ Юрка... Въ чужой монастырь со своимъ уставомъ не ходятъ. По мнѣ, тамъ такое было житье, что коли во снѣ увижу, такъ, я думаю, спать буду!“

„У лѣншля вѣчно масляница на умъ,“ возразилъ урядникъ: „то ли дѣло между своими на службѣ: горя много, да ужъ за то и упѣхи вдвое! Паработаешься на вахтѣ до упаду, насмѣешься за ужиномъ до сыта, и не дослушавъ сказки засыпаешь, убаюканъ бурей въ койкѣ, и гоголемъ вскочишь, когда закричатъ: „марсовые! на верхъ! — Дай Богъ, братья, увидѣться съ земляками; хорошо въ гостяхъ, а дома лучше!“

„Дай Богъ, дай Богъ обняться съ нашими Непронскими!“ воскликнули умиленные мапозы, прибавляя шагу.

Безъ всякихъ непріятныхъ встрѣчъ отрядъ достигъ до берега. Темное море плескало въ него пихою зыбью. Запорошенные инеемъ дороги и плошины, будто раскинутые холсты, тянулись вдаль и сливались съ туманомъ, который началъ подыматься. Нигдѣ не слышно, не видно было ни души.

„Фландеркинъ-флаапъ!“ произнесъ проводникъ, ударяя въ ладоши: „онъ здѣсь долженъ былъ насъ дожидаться!“

Послѣ многихъ побѣгушекъ въ разныя стороны оказалось, что нѣтъ ни лодки, ни нанятыхъ рыбаковъ въ окрестности... Саарвайерзенъ потерялъ терпѣніе: неустойка въ словѣ была для него подлѣе, чѣмъ воровство, хуже, нежели убійство.

„Sapperloot! вскричалъ онъ: „я живьемъ исполку эту ходячую преску! Взявъ даромъ деньги и не исполнишь слова, это неслыхано! Я его такъ взогрѣю, что мои талеры распашутъ у него въ карманъ... проклятый пьяница!... Вѣрно гдѣ нибудь теперъ прохлаждается въ шинкѣ; но будь я не я, если онъ не завершился кубаремъ отъ этой плети, прежде чѣмъ у него высохнутъ губы!“

Но брань ничему не помогала. Положе-

нiе Бѣлзора и мапрозовъ его было самое крипическое, и наконецъ Саарвайерзенъ, по-славъ на Викпоровой лошади проводника вѣво, поскакалъ самъ внутрь земли искать рыбака въ его домикѣ, восклицая, „что онъ разбудить его кулакомъ своимъ не хуже сукновальнаго молота, и сдѣлаешь изъ его спины клѣпчатую Шопландскую шарпану!“ Мало по малу затихъ его голосъ и тяжелая ступь лошади по шоссе.

Викторъ, видя, что рыболовъ или обманулъ, или измѣнилъ, рѣшился пуститься по берегу вѣво, для встрѣчи съ нимъ или для изысканья другаго способа спасенiя. Порывавшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ выброшенъ былъ бурею на берегъ, замѣпилъ онъ нѣчто бѣлое. „Посмотри,“ сказалъ онъ уряднику: „мнѣ что-то видится впереди!“

„Если бъ я не зналъ, Ваше Благородiе, какъ разбило въ щепы нашу четверку, я бы подумалъ, что это она ожила и выползла на берегъ какъ шюлень!“

Въ самомъ дѣлѣ то была шлюбка, обороченная вверхъ дномъ. „Тише, тише, ребята!“, сказалъ Бѣлзоръ: „мнѣ кажется, подлѣ ней вижу я людей спящихъ подъ парусомъ; да вонъ въ козлахъ блестятъ и ружья: это должны быть досмотрщики. Ползкомъ подбе-

рѣмся къ нимъ и накроємъ въ распахъ какъ ушляпъ въ гнѣздѣ.“

Едва дыша приближался Бѣлосоръ впереди всѣхъ . . . но Французы спали крѣпкимъ сномъ, и захватить ихъ было не трудно. Съ крикомъ кинулись наши сперва на ружья, потомъ на сонливцевъ, и пригвоздивъ шипыками углы паруса къ землѣ, какъ перепелокъ изъ-подъ сѣтви выптащили поодиначкѣ плѣнниковъ, связывая имъ руки и клепя ропъ. Изъ чепырехъ оставили только сдого безъ повязки для допроса. „Съ какого ты судна?“ спросилъ его Викторъ.

„Мы таможенныя солдаты,“ отвѣчалъ онъ: — „съ брантвахты (patache) le Friseur.“

„Кто у васъ Капитанъ?“

„Монпанъ-Люссакъ.“

„Старый знакомый! А зачѣмъ вы на берегу?“

„Не знаю; чепверо нашихъ, по приказу Капитана, отправились въ средину края; мы, берегли шлюбку!“

„Благодарю, что сохранили ее для насъ. — Теперь, братцы, перенесите этого молодца въ шлюбку, пускай онъ лежитъ на днѣ вмѣсто балласту.“

Шлюбка была уже спущена на воду, и мапрозы, опершись на весла, съ нетерпѣніемъ ждали приказу отвалишь. „Не прикажете ли

оспальныхъ на упокой?" сказалъ Юрка, замахиваясь багромъ на связаннаго солдата.

„Пошелъ въ свое мѣсто!“ гнѣвно вскричалъ Викторъ: „и помни, что Русскіе не бьютъ лежащаго. Все ли готово?“

„Все до крошки!“ отвѣчалъ урядникъ....
Крестись ребята, весла на воду.... гребн!“

Между тѣмъ, какъ это происходило на берегу, Жанни одна съ своей кручиной сидѣла въ комнатѣ мельника. Глубокую истину замѣнилъ попъ, кто сказалъ, что женщина, любя впервые, любитъ любовника, попомъ уже одну любовь. Въ первомъ случаѣ вся она будто поглощена бытіемъ друга, и малѣйшій страхъ за него, крапчайшая съ нимъ разлука для ней уже истинное бѣдствіе. Во всѣхъ послѣдующихъ, любовникъ для ней уже не предметъ, но только средство наслажденія, и проливая слезы разлуки, она уже озирается кругомъ... а сердце, какъ пустой домъ, пребываетъ постольца: любовь для нее уже не страсть, а привычка.

Но Жанни любила впервые и со всею пылкостью души чувствительной, съ безграничнымъ довѣріемъ доброты. Въ крапкій вѣкъ этой дѣвственнаго склонности, она пережила всѣ возрасты страсти, кромѣ ревности; и можно представить себѣ ея отчаяніе,

когда топъ, который какъ свѣспильникъ озарилъ предъ нею міръ, лежавшій дополъ предъ ея очами темною громадою, увлеченъ былъ опъ ней судьбою, опъ ней, жаждущей любить, поскующей раздѣлитъ любовь свою!... Сердце ея, кипящее юностію, легко пріяло впечатлѣніе спраспи какъ плавкое стекло, и сгладитъ это впечатлѣніе, какъ со стекла можно было не иначе, какъ разбивъ его. Въ это время вбѣжалъ къ ней Гензіусъ съ блѣднымъ, выпянувшимъ лицомъ.... „Гдѣ вашъ батюшка? Гдѣ всѣ они?“ спросилъ онъ шоропливо.

„Тамъ, гдѣ бы желала быть и я,“ отвѣчала Жанни, не обращая вниманія на необыкновенные приемы Бухгалтера.

„Радн Groos-buch, юнг-фровъ, скажите, по какой дорогѣ поѣхалъ вашъ батюшка?... Ему грозитъ большая опасность!“

„Батюшка въ опасности?“ вскричала, вспрынувъ, испуганная Жанни: „За что? опъ кого въ опасности?....“

„Бургомистръ Гоог-воорспъ Ван-шпан.“

„Какое мнѣ дѣло до вашего Бургомистра, скорѣй и яснѣе?..“

„Я самъ запыхался, какъ въпряная мельница, юнг-фровъ!.. Говорилъ я вашему батюшкѣ, что быть бѣдѣ за Русскихъ, которыхъ держалъ онъ на фабрикѣ, а Монпанъ и

подвелъ къ этому свои итоги.. онъ донесъ Правительству, что вашъ батюшка держитъ у себя зажигателей Англичанъ, печатаетъ прокламаціи противъ Наполеона, и хочетъ измѣной захватить крѣпость.... и вопъ его велѣно заключить въ шенницу и судить военнымъ судомъ... Спасибо за уведомленіе Бургомистра Гоог-Воорстъ-Ванъ-Шпандербергера... а то бы...“

„Заключить! судить!.. умертвить его! — У шигровъ всегда виноваты челоѣкъ... не доспавало только этого къ нашему несчастію.... что же вы спойте, сударь? — Бѣгите.... скачите, летише на встрѣчу батюшкѣ, уведомьте его... пусть онъ бѣжитъ за границу; есть ли у него деньги съ собою? если нѣтъ, возьмите эти брилліанты, которые получены только что изъ передѣлки....“

„У меня въ карманѣ значительная сумма, взятая отъ банкира, припомъ же....“

„Спѣшите, сударь, говорю я вамъ....“ воскликнула Жанни, почти выпалкивая Гензіуса, и рассказывая ему, гдѣ и какъ онъ навѣрное найдетъ отца ея. „Пусть не беспокоится онъ о насъ; съ нами ничего не сдѣлаютъ.“

„Дай Богъ, чтобъ ничего не сдѣлали, сударыня!“ говорилъ Гензіусъ, вскарабкиваясь на каретную лошадь; бѣда, если и мужчина попадетъ въ когти этихъ разбойниковъ, а

храни Богъ какъ дѣвушка!“ Ударъ бича, которыми поподчивалъ мельникъ его буцефала, прервалъ рѣчь всадника — и скоро вдали умолкъ скокъ неопытнаго гонца.

Жанни была въ неописанномъ положеніи: любовь къ опцу заставила ее на время забыть даже любезнаго, не только самую себя. Она уговорила старика слугу, пріѣхавшаго съ ней за карепою, сѣсть верхомъ и ѣхать отыскивать опца. Кучеръ былъ проводникомъ, и такъ она осталась одна со старикомъ мельникомъ и его женою. Запершись кругомъ, со страхомъ ждали они извѣстій.... Черезъ часъ мѣста послышался спукъ у дверей.

„Отворите!“ произнесъ грубый голосъ: „отворите по приказу Правительства. Если вздумаете сопротивляться, съ вами поступлено будетъ какъ съ мятежниками, и домъ вашъ разграбленъ до пла!“ Это былъ Брике съ командою.

„Боже мой!“ вскричала хозяйка: „это голосъ того же разбойника, который ввязалъ насъ двѣ недѣли назадъ! Когда Господь избавитъ Голландію отъ этихъ гербовыхъ злодѣевъ!“

„Что ты колдуешь тамъ, старая вѣдьма?“ возгласилъ Брике: „отворяй, или мы высадимъ двери прикладами!“

„Что намъ дѣлать?“ шептала Жанни

хозяйка: „ихъ много и двери не долго подержатся, — что намъ дѣлать? мы пропали съ добромъ и съ косточками!“

„Объ вещахъ не горюй, старуха,“ возразилъ хозяинъ: „добрый нашъ господинъ впрое заплашитъ за все, но что будетъ съ вами, сударыня!...“

„Что угодно Богу,“ съ пвердостію сказала Жанни: „я скорѣе умру, чѣмъ живая опдамся въ руки эшихъ наглыхъ бездѣльниковъ... Хозяинъ! удержи ихъ всякими средствами — а я бѣгу встрѣпшпъ своихъ, или кинущся въ воду...“ — Съ эшимъ словомъ она накинута шубу свою, схватила ящикъ съ брилліанпами и выпрыгнула въ окно. — Она уже была далеко.... когда прескъ однихъ за другими падающихъ дверей долетѣлъ до ея слуха.

Быстро, не отдыхая, бѣжала она по плотинѣ къ морю, страхъ придавалъ ей силы, надежда окрпляла ноги: „Башюшка! Викторъ!“ кричала она, слыша за собою гонящихся солдатъ... „Викторъ!“ повторяла она исчезающимъ голосомъ, видя опваливающую шлюбку, но слабые звуки умирали на вѣтрѣ. „Спасите!“ восклицала она въ поскѣ опчаянія — но спасеніе ее бѣжало. Задыхаясь, изнемогая отъ успалости, простирала она руки къ морю — но, безжалостное заглушало мольбы ея плескомъ —

„Викторъ!“ вскричала она въ послѣдній разъ — и упала безъ чувствъ на холодную землю.

(Окончаніе впрѣдъ.)

II.

П Р А В О В Ъ Д Ъ Н І Е.

О П О Э З І И В Ъ П Р А В Ъ.

(Продолженіе.)

Фризское законоположеніе, такъ называемое Азегабухъ, представляетъ множество такихъ стихотворческихъ оборотовъ. Вредъ, причиняемый домашнимъ скопомъ (37), такъ изображается въ немъ: дѣло лошадиного копыта, скотскаго рога, пѣшушняго зубца ножнаго, свиного рыла и собачьяго зуба. Въспомо сухаго: обезпечить и принять отвѣтствен- ность, въ немъ говорится: *mith sinre sinere ferra* (десною) *hand urmeddia and mith sinere tunga sin riucht urmeidia*, такъ, какъ говорится

(37) *Rauperies*, поврежденіе, ущербъ, уменьшеніе, слово, имѣющее въ корнѣ своемъ *rau* (*fa, few*), мало, скудно.

въ пѣснѣ: очами зрѣть, руками хватать. Море всегда обозначается эпическими прилагательными: *соленое* и *дикое*. Предписаніе по случаю голода и приближенія зимы начинается такимъ образомъ: „жестокій голодъ идетъ по землѣ; близится мрачная пуча и хладная зима.“ Говоря о сырыхъ дѣпяхъ, законъ выражается такимъ прогательнымъ образомъ: „ихъ опецъ такъ глубоко и въ такомъ мракъ заключенъ и закрытъ чепырьми гвоздьми подъ дубомъ и подъ землею“ (38). Законъ новѣйшаго времени ограничился бы въ семь случаевъ однимъ простымъ выраженіемъ: ихъ опецъ умеръ. А Хауцеръ, вмѣсто простаго слова: умеръ, въ *Canterbury Tales* 7905, поетъ такимъ образомъ: „ded and nailed in his cheste.“ Гдѣ мы говоримъ просто: во время дня, тамъ говорится: „при ясномъ свѣтѣ дня, при сіяніи солнца“ (39). Въ *Weisthum* (40) über die Dreiecher Wildban также не разъ встрѣчается эта замѣчательная поговорка: при сіяніи солнца (41). О ночныхъ нападеніяхъ гово-

(38) Dat syn fader so diepe ende dimme mitta flower neylen is onder eke ende, onder da erda bisloten ende bitacht.

(39) Enes domliachtes diß and bi sfinandere sunna.

(40) Уставъ, принадлежащій къ 1338 г., напечатанъ у Линига, Шмиссера, и въ *Beschreibung von Hanau. Munzenberg* 1720. Beil. No. 50.

(41) Bei scheinender Sonnen.

рился: „so hwasfa to otheron fari nachtes to hovi and to huse, bi slepandere thiade and unwissa wasendon mit glandere glede (mit einer glühenden Blut);“ о внесении убийных: „huam sa ma dad indreit, anda mit hondem biclaget anda mit tarem biwaynoth.“ Законы XII таблицъ воспрещали такое ломаніе рукъ, пролипіе слезъ и перзаніе ланитъ, что имѣли обыкновеніе дѣлать лишавшіяся супруговъ жены: (*ἄλοχος ἀμφιδρυφής*. Ил. II. 700), mulier faciem ne carpilo; mulieres genas ne radunto, neve lessum funeris ergo habento; Поэзія прежде это позволяла (42). — По случаю защищенія границъ Государства: „as scilu wi use loud wera mith egge and mit orde and mith tha bruna sfelde mith thene sfera helm and mith thena rada sfeld,“ вмѣсто прозаическаго выраженія: мы должны сражаться великимъ оружіемъ, древнее Право здѣсь говоритъ такъ: „да рашуемъ лезвеемъ и оспресемъ меча, съ блестящимъ щитомъ“ и пр. Приданое пмущество описывается такимъ образомъ: „что гоняють и носятъ — блестящее золото и четвероногій скотъ“ (43). О человѣкѣ, брошенномъ въ воду по злобѣ, говорится такъ: „онъ низверженъ въ глубокую беззем-

(42) Сличи замѣчаніе къ Gudrunarguida въ Гриммовомъ изданіи Эдды.

(43) Tha drivanda and tha dreganda, sfinande gold and fiarfote ewic.

ную воду, пакъ, что ногами не досягаетъ дна, глазами не видить неба, ушами не слышить болѣе зова.“ Въсто проспаго: при жизни, — „при жизни пѣла и во время крѣпости членовъ.“ Наказаніе опцеубійцы: „доколь онъ живетъ, долженъ скипаться, блуждать въ удаленіи опъ людей, или вовсе опказаться опъ прекраснаго міра и иппи въ монастырь, но и здѣсь, въ домъ Божиємъ, не стоятъ между людьми-Хрисціанами, но за дверями“ (44).

Поставимъ здѣсь нѣсколько образчиковъ стихотворческаго слога въ Саксонскомъ Зерцалѣ; ибо въ послѣдствіи нужно будетъ еще привести изъ него нѣсколько примѣровъ. „Мужъ рыцарскаго званія можетъ своей женѣ для упренняго дара, когда идетъ съ нею за столъ, данъ упромъ, безъ позволенія наслѣдника, слугу или дѣвку, находящихся въ ея лѣтахъ, брусную избу и ходящій по полю скопъ.“ Въсто употребительнаго еще нынѣ выраженія: „рукою и усами“ (45) въ семъ законоположеніи, я нахожу: „перстомъ

(44) *Alsa longe, sare libbe, skal hi wondria and friapa
jeftha hi skal alle thera skena wralde ofstonda and gunga
anna en claster, and nammermer ne mot hi anda godishuse
wesa mit ora kersene= liodon, hnie gunge efta tha durum
stonda.*

(45) *Mit Hand und Mund.*

и языкомъ“ (46). Въ Охотничьемъ Правѣ птицы называются поющими и чувствующими боль въ животѣ, вмѣсто простаго наименованія: пѣвчія и хищныя птицы (что впрочемъ въ основаніи своемъ выражаетъ одно и то же); подобнымъ образомъ въ вышеприведенномъ нами Охотничьемъ Уставѣ дикія свиньи называются „сѣкущими, рубящими.“

Приведемъ здѣсь нѣсколько формулъ. Въ Биддингскомъ Лѣсномъ Уставѣ, принадлежащемъ къ 1425 г., такая находится формула: „если бы находилось въ дачѣ болѣе молодого кустарника, по лѣсной надзирашеля долженъ пойти къ владѣльцу и сказать ему такъ: господинъ хозяинъ! тамъ болѣе молодого кустарника: если вамъ угодно защитить и оградить его для собственнѣйшей пользы и къ чести лѣса; то я отдаю вамъ его и приставляю сторожа, да соблюдется ваша польза и да воздастся лѣсу подобающая честь.“ Въ одной леной грамотѣ 1498 (47) отдается: „исп-

(46) Фричъ (in Supplem. Besoldi thes. pr.) въ одной грамматѣ нашелъ такую формулу: „проценты представлять, когда медвѣдь во мху лежитъ,“ вмѣсто прозаическаго: зимой. То же самое примѣчается и въ юридической фразѣ: einen Bären anbinden, т. е. вступать въ долги, обязываться платить проценты *резущему* заимодавцу.

(47) Siebenkees Beitr. IV. 164.

ребъ, курица и при гончихъ собаки съ похлебкой безъ дыма, да къ лому прелестная женщина.“ Одно древнее стихотвореніе содержитъ въ себѣ слѣдующую, очевидно судебную формулу:

Или вино у васъ я пролилъ,
Или я дядла у васъ заспрѣлилъ,
Или межу у васъ я сожегъ? (48)

между тѣмъ какъ по-просту надлежало бы сказать: нанесъ ли я хотя малѣйшій вредъ вашему дому, лѣсу и полю? Присяга, дававшаяся Засѣдателями Уголовнаго Суда, извѣстнаго подъ именемъ *Weist*, была слѣдующая: „клянусь хранить тайны Священнаго Суда отъ жены и чада, отъ опца и мащери, отъ огня и вѣтра, отъ всего, освѣщаемаго солнцемъ и орошаемаго дождемъ, отъ всего ширяющагося между небомъ и землею.“ Большая часть формулъ изгнанія (49) содержитъ въ себѣ высочайшую Поэзію; такъ, напр.: „посему мы осуждаемъ тебя и оплучаемъ отъ общества; отнимаемъ у тебя всѣ права и поспавляемъ внѣ всѣхъ законовъ; обрекаемъ твою жену на вѣдомое вдовство, и твоихъ дѣтей на брач-

(48) *Weder han ich uch den Win vergozzen,
oder han ich uch den Speht erschozzen
oder han ich den Kein verbrant?*

(49) *Goldast Reichsfatzungen I. 238, слич. Berlings Lebens 1736 стр. 125.*

ное сиромство; отдаемъ твои лены владѣльцу, отъ коего они пришли, твое наслѣдіе и достояніе — твоимъ дѣтямъ, твое пѣло и плодъ звѣрямъ дубравнымъ, птицамъ воздушнымъ и рыбамъ воднымъ; мы открываемъ тебѣ всѣ пущи, и гдѣ каждый человѣкъ находитъ миръ и провожаніе, тамъ ты ничего не сръшишь такого, и мы указуемъ тебѣ всѣ четыре страны свѣта“ и пр. Достойно замѣчанія и то, что формулы такого рода, подобно пѣснямъ, всегда различаются между собою въ перечисленіи приговорныхъ пунктовъ, и нѣтъ ни одной совершенно согласной съ другою; посему выпишемъ, для сравненія съ вышеприведенною формулою, еще изъ Бамбергскаго постановленія объ уголовномъ судѣ, статью 241: „понеже ты по суду и закону приговоренъ къ изгнанію, то я изъеволю твое лице и имущество отъ безопасности, и предаю ихъ всѣмъ опасностямъ; объявляю тебя лишеннымъ чести и покровительства законовъ; оставляю на произволъ птицамъ, летающимъ по воздуху, звѣрямъ, живущимъ въ лѣсахъ, и рыбамъ, плавающимъ въ водахъ; да не сръшишь нигдѣ на пущи или въ селеніи привѣтнаго мира и ласковыхъ проводовъ; да возвратятся всѣ твои лены къ владѣльцу; да будетъ все, пріобрѣтенное тобою законно, неправеднымъ, незаконнымъ;

всѣмъ и все позволено съ побою дѣлать; не
будетъ пресупникъ закона, кто нападетъ
на тебя.“

Пространство сшаши не позволяетъ
привести здѣсь болѣе длинныхъ мѣстъ изъ
Сѣверныхъ законовъ, въ коихъ мы легко оп-
крываемъ ту же господствующую наклон-
ность представлять вещь чувственно и об-
разно, какую видѣли въ Нѣмецкомъ Законо-
дательствѣ; такъ: напр., Вестъ-Готское
Законоположеніе говоритъ: „одинъ братъ
пускается въ купечество, а другой сидитъ
дома на печи у родительскаго очага“ (50),
вмѣсто прозаическаго: одинъ сынъ дѣлается
купцемъ, а другой оспается дома. Попадаю-
тся также и хорошія пословицы, напр.: „*hand
skal hand fa, eller mund mened swária*“ — „*tompt
ár áfers modher*“ (51) и т. п. Въ Англосак-
сонскомъ Законодательствѣ я встрѣтилъ
только нѣсколько пѣщическихъ мѣстъ; имен-
но въ законахъ Ины 43, напр., говорится:
лучше шопоръ, нежели воръ (52), т. е. оп-
крытый разбой не такъ наказывается, какъ
воровство (53).

(50) Lex Westrogoth. i. §. 8. de haereditate : far
annar broder fopfardum, och annar hemma i asfu sifar.

(51) Fundus est agri mater.

(52) Forþan seo ear bið melda nallás theof.

(53) Равно въ Русскомъ древнемъ Правѣ мо-

§ 8.

Доселъ мы видѣли, что Право произошло вмѣстѣ съ Поэзіею, что оно, по своей формѣ,

жно находить цѣлыя предложенія, облеченныя въ піищическую форму. Три дипломатическіе памятника древней Россіи, сохраненные Лѣтописью Нестора, если только форма ихъ не совсѣмъ получила начало свое въ Византійской Канцеляріи, представляють въ себѣ много піищического, особенно же въ начальныхъ и заключительныхъ спашьяхъ своихъ. Такъ въ Олеговомъ договорѣ въ сп. 1: „почтимся съ вами Греки быти въ любви непревращнѣй и неподвижнѣй. Такожъ и вы Греки да храните такую жъ любовь ко Княземъ нашимъ... несоблазну и непреложну всегда и во вся лѣта.“ Сп. 5. „Аще дастъ рѣцѣ свои.“ сп. 7. „аще ли лодья ошъ бури или бороненія земнаго бороними не можетъ возборонитися въ свояси мѣста, спопружаемся“ и ш. д.; сп. 10: „да возвратишъ имѣніе къ *милымъ* ближникамъ въ Русь.“ Несторъ, по Кенигсбергскому сп. спран. 27 и слѣд. Въ Игоревомъ договорѣ съ Греками, во вступленіи: ... „и ошъ шѣхъ заповѣдано обновити вѣшхій замиръ, и ненавидящаго добра и враждолюбца дѣавола разорити.“ сп. 2. „да аще кто ошъ Грекъ или и ошъ Руси сотворишъ криво, да оправляетъ.“ Несл. по К. сп. спр. 38 слѣд. въ Святославовомъ договорѣ: „хочу имѣти миръ и свершенную любовь... съ богодухновенными Царями... до конца вѣка.“ Тамъ же спр. 64. Выпишемъ клишвы изъ двухъ послѣднихъ договоровъ,

подчинено законамъ Спихотворства, и, что подобно твореніямъ поэпическимъ, исполнено живыхъ словъ, и во всемъ своемъ израженіи дышащія сильною Поэзією; въ Игор. договорѣ ст. 1. „Иже помыслишъ отъ сираны Русскія разрушити такую любовь, и елико ихъ крещеніе пріяло есть, да примутъ мечь отъ Бога Вседержителя осуженіе на погибель въ сій вѣкъ и въ будущій, а елико ихъ не крещено есть, да не имутъ помощи отъ Бога, ни отъ Перуна; да не ущипятся щипы своими; да посѣчены будутъ мечи своими, и отъ стрѣлъ и отъ иного оружія своего, да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій.“ Ст. 15: „А иже преступишъ ее отъ сираны нашея, да не имашъ помощи отъ Бога, да будутъ раби въ сій вѣкъ и въ будущій, и да заколенъ будетъ своимъ оружіемъ;“ нѣсколько ниже: „будетъ достоинъ своимъ оружіемъ умерети, и да будетъ кляшъ отъ Бога и отъ Перуна, якоже преступи кляшву свою.“ Въ Святославовомъ договорѣ: „да имѣемъ кляшву отъ Бога, и въ него же вѣруемъ въ Перуна... да будемъ золоти, яко золоти, и своимъ оружіемъ да изсѣчени будемъ.“

Въ Русской Правдѣ: „во чьей верви голова ляжетъ „вмѣсто: гдѣ шло поднято будетъ; „а на костѣхъ и по мертвецѣ не плашите виры, юже имени не вѣдаютъ и не знаютъ его;“ вмѣсто: за найденное мертвое шло неизвѣстнаго человека не плашиши пени; „аще кто познаетъ свое, что будетъ погубилъ... то не речи ему, се мое, но иши на сводъ, гдѣ еси взялъ: сыдущся, кто будешъ виновашъ, на того шашьба сидешъ.“ —

ніи изобилуетъ образными представленіями. Но въ сихъ черпахъ мы познаемъ только половину сродства между ними; остается еще разсмотрѣть намъ другую сторону онаго, — такъ сказать, практическую, дѣйствительность коей уже предполагается самою формою; ибо Поэзія не ограничивается словами, но употребляетъ ихъ для того, чѣмъ глубже выражаетъ предметъ и содержаніе его опредѣляетъ многообразнѣйшими способами. Изъ сего яснѣе открывается и то, что преобладающая чувствительность указываетъ на внутренній духъ, какъ начало, изъ коего она происпекла, чѣмъ свѣжій видъ, въ какомъ являющіяся древніе законы, не есть одна обманчивая прикраса, и чѣмъ любимая ими припѣча не

„Аще убіюшъ у клѣши или у которыхъ пашьбы: то убіюшъ во пса вмѣсто“ вмѣсто; если вора убіюшъ при самомъ воровствѣ, то взыска нѣтъ; „будешъ ли кунъ болѣе, то речи ему тако: промиловался еси аже еси послуховъ не спавилъ;“ вмѣсто: если заемъ будешъ болѣе прехъ гривень, то деньги его пропали, поелику отданы безъ свидѣтелей; „ключъ къ себѣ привяжетъ“ вмѣсто: пойдешъ въ ключники.

Государственныя грамматы и договоры представляютъ еще богатѣйшій запасъ такого рода примѣровъ; но я не выписываю ихъ, дабы не обременить читателя множествомъ. *Пер.*

есть одинъ звукъ, но напрошивъ покушеніе сдѣлать болѣе вѣрный очеркъ, болѣе точное опредѣленіе самой вещи. Въ послѣдствіи общность выводится изъ Законодательства: оно хочетъ прямѣ итти къ вещамъ; но можно спросить: всегда ли онѣ такимъ образомъ достапно могутъ быть объяты? Новое Законодательство хотѣло бы имѣть полноту и провидѣть всѣ случаи; но древнее часто боится такъ далеко простираать власть свою, и свои опредѣленія ограничиваетъ одними естественными, по временамъ встречающимися случаями; оно читаетъ также священныя числа, между тѣмъ какъ первое обыкновенно преднаписуетъ мершвыя, свѣтскія числа и ими все измѣряетъ.

Питетическія опредѣленія напаче можно усматривать тамъ, гдѣ приходятъ представленія пространства и времени, гдѣ надлежитъ постановить: *какъ далеко* что должно простирааться? *какъ долго* что должно пребывать? Древніе законы говорятъ: сколько курица шагнетъ, перелетитъ или кошка прыгнетъ; ближе пѣшущей шпорки (54) или кошечьяго прыжка. У Апулея говорится: *ne ungue latius discedere*. Также: какъ далеко можно бросить камень. Еще замѣчательнѣе

(54) *Näher als ein Hahnensporn*. См. *Parcival* 3835.

опредѣленія пространства: на ошдыхъ, на мило. Мы и теперь еще имѣемъ обыкновеніе говорить: не вѣришь другъ другу далѣе верженія камня (55). Точно также говоритъ Гомеръ Ил. III. 12.: на столько можно зрѣть, на сколько вергнуть камень (56); и въ одной Сагѣ Сѣверо-Американскихъ дикарей я нахожу, что нѣкто дошолъ долженъ былъ жить, доколѣ нельзя бы было перебросить камня черезъ могилы его умершихъ женъ (57). Въ Дрейейхскомъ Уставѣ о ходѣ дичи: „также общій пастухъ не далѣе долженъ заходить въ лѣсъ съ своими овцами и козами, какъ на сколько онъ можетъ бросить своей палкой.“ Еще болѣе піпшически въ Шледенгузскомъ Лѣсномъ Уставѣ 1576 г. постановляется, что кто либо, сколько можетъ вырѣзать себѣ дерна, на сколько бы онъ, поставивъ лѣвую ногу на поле, а правую въ шынъ, ограждающій его, могъ правою рукою бросить молотъ изъ подъ лѣвой ноги. Но такое верженіе молота наиболѣе употреблялось въ Оснабрикѣ, такъ, напр., при отводѣ общественныхъ земель, гдѣ пріобрѣтатель, для обозначенія величины участка, долженствовалъ бросить

(55) *Einander trauen nicht über den Steinwurf hinaus.*
Fabelbuch 1703, стр. 186, 203.

(56) *Τόσσον τίς τ' ἐπιλεύσει, ὅτου τ' ἐπὶ λαὸν ἴησιν.*

(57) *Majer Mythol. I. B. 1. S. 22.*

молодѣть съ шельги правою рукою подѣ лѣ-
вую ногу. На такомъ же основаніи утвер-
ждается и правило помѣнушаго Шледенгуз-
скаго Устава о измѣреніи пахотной земли, —
правило, по коему кто либо, поставляя се-
бя въ означенное положеніе, пріобрѣтаетъ
себѣ земли на такое пространство, на
какое можетъ сягнуть палкою или лѣсп-
ною. По древнему обычаю, палачу доставля-
лось изъ имущества самоубійцы все то, до
чего онъ, стоя у шрупа его, могъ достигнуть
своимъ мечемъ (58). Для выраженія неизмѣ-
римости, безпредѣльности, употребляется
выраженіе: какъ далеко простирается не-
бо синее (59). Далѣе: право первородства
глубоко было напечатлѣно въ умахъ; хо-
тя законъ предписывалъ равныя части въ
наслѣдіи, какъ бы для испребленія въ умахъ
народа онаго права и соединеннаго съ нимъ
вѣрованія, что первородному должна при-
надлежать особая доля въ уваженіе его пре-
имущества, коея опредѣленіе и было преда-
ваемо во власть невиннаго животнаго, дабы
такимъ образомъ опять открыть свободное
дѣйствіе сему божескому праву: впрочемъ
онъ (первородный) получалъ на свою часть

(58) Eifenhart Sprichwörter стр. 23, по новѣй-
шему изд.

(59) Idem ibid. стр. 193.

еще *плетуший полетъ*, то есть, такое пространство земли, какое пролетитъ пущенный изъ рукъ пыхъ (60). Что здѣсь опредѣлялось пускаемыми на удачу камнемъ, палкою, молотомъ и пицею, и тѣмъ получало печать законности, то же страннымъ образомъ усмапривается и въ одномъ Индійскомъ мнѣ, именно: Вишну получаетъ въ одержаніе свое сколько земли, сколько пущенная имъ стрѣла (61) пролетаетъ. *Бросать камень* есть обыкновеніе самое древнее, что подтверждается рапоборствомъ Гектора и Аякса, а еще болѣе сраженіемъ Брунгильда и Зигфрида (1861 — 76); *дальнѣйшій камень* рѣшалъ, долженствовалъ ли женихъ взять извѣстную невѣсту, или дѣвица оспавалась свободною. Въ грамматикахъ, предѣлы, полагаемые хребтомъ высокихъ горъ, выражаются такимъ образомъ: „гдѣ шаръ капился и вода струится;“ это то самое, что мы называемъ раздѣленіемъ воды (*Wasserscheide*), а Римляне *divortium*.

Какое нибудь право должно существо-

(60) *Etablissemens de S. Louis*. 256, 257.

(61) Стрѣла, какъ извѣстно, въ баснѣ и въ языкѣ, есть *птица*. По другой Сагѣ, Богъ въ образѣ карла, пребуешь себѣ частицы земли на пространство трехъ шаговъ, и послѣ сего пріобрѣтаетъ всю землю, обещая ея божественными безмѣрными шагами.

вапъ, „доколѣ вѣтръ изъ облаковъ вѣетъ и сполитъ міръ“ (62). Въ Сѣверныхъ Сагахъ часто употребляется: „пока волкъ не освободится и не придетъ.“ Оссіанъ „доколѣ море приливается и опливается.“ Въ народныхъ нашихъ пѣсняхъ: „доколѣ Майнъ втекаетъ въ Рейнъ;“ Несторъ: „дондеже солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ;“ (63) часто эпическія формулы вмѣсто обыкновенныхъ: всегда и на вѣки; до ютѣйшаго дня. Эдда поетъ: „до разрушенія міра, когда всѣ силы и свѣтила небесныя распадутся.“ Особенно часто въ грамматахъ встрѣчаются слова (64): „доколѣ вѣтръ вѣетъ, пѣснь поетъ и мѣсяцъ свѣтитъ;“ оборотъ, основанный на вѣрѣ народа, что въ послѣдній день міра вѣтръ (подобно пѣицѣ) сложитъ свои крылья и солнце сокроетъ лучи свои. *Крикъ пѣтуха* разрѣшаетъ и связуетъ волшебниковъ, и въ мѣтахъ часто приводится какъ условіе, нарушающее договоръ (65).

(62) Afegabuf стр. 56.

(63) Несторъ Шлецеровъ IV. 95.

(64) Schütze hollstein Idiot. IV. 355. Henneke Rnecht. v. 11.

(65) По одной народной сказкѣ, бѣсъ долженъ былъ выстроить крестьянину домъ *прежде, нежели пропоетъ пѣтухъ*; въ противномъ случаѣ крестьянинъ остается свободенъ, и бѣсъ теряетъ условленное право. Работа приближалась уже къ

Но если идетъ дѣло не о безконечномъ срокѣ, но о какомъ либо кратчайшемъ промежуткѣ времени, въ который что нибудь должно быть совершено или пріобрѣтено, то и на сей разъ древнее Законодательство довольно представляетъ живыхъ опредѣленій. Такъ, напр., какой нибудь земляной участокъ можетъ быть пріобрѣтенъ *во время Королевскаго сна*, какъ бы по тому, что тогда владѣтельная пѣлесная сила Короля покоится и связана. То есть, сколько тѣмъ временемъ можетъ пріобрѣтатель объѣхать, обпахать или засѣять земли, то дѣлается его собственностію. Въ одной народной сказкѣ о происхожденіи Вельфовъ говорится, что Генрихъ, сынъ Эпихона, получилъ себѣ въ

концу; оставалось только положить последнюю черепицу; крестьянинъ дѣлаетъ подражаніе пѣтушьему пѣнію, и вдругъ всѣ пѣтухи въ окошкѣ запѣваютъ и — лукавый проигрываетъ свой закладъ. Таковыя преданія замѣчательны; ибо совершенно такую же хитростію обманывается и колдунъ въ Эддѣ: — онъ долженъ былъ приготовить зданіе до разсвѣта перваго лѣшняго дня; но его усилія были уничтожены упомянутымъ средствомъ. *Dǫpnisaga* 56. — Такую же роль играетъ пѣтухъ и въ Русскихъ народныхъ сказкахъ: всегда приписывается ему сила разрушать губительную силу лукаваго. *Пер.*

удѣлъ все пространство земли, которое онъ успѣлъ объѣхать въ продолженіе полуденнаго сна Императора. По сказанію Гинкмара, Кловисъ пожаловалъ Реймской церкви столько десятинъ въ полѣ, сколько Св. Ремигій могъ объѣхать въ продолженіе послѣобѣденнаго сна Королевскаго. Послѣобѣденный сонъ, какъ болѣе легкій и краткій, дѣлаетъ пожалованіе безопаснѣе, затруднительнѣе, болѣе подверженнымъ случаю и шатливѣе. Одна Датская Сага содержишь въ себѣ еще болѣе нѣпостояннаго: Король Вальдемаръ, по представительству Св. Андрея, даетъ жителямъ Слягельсе столько недвижимаго имущества, сколько объѣдетъ Блаженный на жеребенкѣ девятинощномъ (*enſtjæse*), пока Король будетъ сидѣть въ банѣ; служители, услышавъ сіе позволеніе, воскликнули: „Государь! выходи скорѣе; иначе онъ изъѣздитъ все швое царство!“ Какъ тамъ — во время сна — сила владѣнія *усыпаетъ* (66), такъ здѣсь въ банѣ,

(66) Истощается, исходитъ, упраздняется (*possessio vacua*); ибо въ составъ слова *possidere* входитъ *posse* (мочь, силу имѣть), и *sedere* (сидѣть, стоять, находиться, быть: подобно, какъ *estar* и *stare*); слѣдовательно: быть сильну, мощну; физическая мощь, возможность исключительно дѣйствовать на вещь. См. Савиньи *Recht des Besitzes*, стр. 186, 359.

которой парящійся не можетъ вдругъ оставитъ, она воспящается, пріостанавливается. Другіе примѣры не представляютъ нужды въ бездѣйственности со стороны лица жалующаго, но только показываютъ затрудненіе, воспященіе дѣйствія, предприемаемаго въ семь случаевъ пріобрѣтателемъ. Еще, по сказанію Геродота, у Скивовъ бдѣтельному хранителю золота давалось столько земли, сколько *съ одинъ день* могъ онъ объѣхать на лошади (IV. 7.). Горацію Коклесу опредѣлено было *agri quantum uno die circumagat* (Liv. II. 5). Свѣтская мѣра была бы удобнѣе, но не могла бы освящать пожалованія и пріобрѣтенія. Равно Магомедъ жалуетъ одного вѣпсія равниною, какую онъ объѣдетъ *въ одинъ день* (67). Грамота, данная на постройку монастыря Реоманова, показываетъ, что Король пожаловалъ въ пользу его столько земли, сколько Св. Іоаннъ *проѣхалъ бы съ одинъ день* на ослѣ. Также Нѣмецкій Императоръ, по сказанію о происхожденіи Мансфельдова дома, пожаловалъ начальнику онаго столько земли въ полѣ, сколько работникъ могъ бы засѣять однимъ шеелемъ ячменя. Одинъ изъ древнѣйшихъ и самыхъ замѣчательныхъ мѣровъ есть Древне-Сѣверное сказаніе о Королѣ Гильѣ, который

(67) Нибура *Römische Geschichte*. I. 550.

пожаловалъ Гетіонъ столько земли, сколько четыре быка вспахали бы плугомъ *въ день и ночь* (68). Не состоятъ ли сіи сказанія въ связи съ древнимъ землеустроениемъ и раздѣленіемъ помѣстій (69)? Кажется такъ. Самыя наименованія то уже показываютъ. Моргенъ вѣроятно было такое пространство земли, какое кто обпахивалъ *въ часы утреннія* (70). Новый владѣлецъ земли долженствовалъ напередъ ее означивать браздами своего рала, объѣхать своей бороною и усыпать своими сѣменами, и — тогда могло начаться его право на землю; новостроенный городъ надлежало прежде обвести бороздою плуга, дабы окружность, которую онъ долженствовалъ занять, содѣлать священной, неприкосновенною (71). Прав-

(68) *Danif. i. Heimstfr. i. 5.*

(69) *Wid* выражаетъ вещь съ другой стороны. Въ *Urf. 1330 г.* говорится: *zu sunff Widen*, и какъ Англійское *plowe*, часто употребляются въ значеніи пашни. Слич. *Зиф. Зифарт.*

(70) Россійская полевая мѣра *четверть* имѣетъ подобное же происхожденіе. Она первоначально означала пространство земли, какое можно засѣять четвертью ржи, и въ началѣ земли конечно были раздаваемы на основаніи такого образа расчисленія. См. *Указатель Россійскихъ Законовъ стран. 322 слово: верста*; также *Лексиконъ Россійскій Тапищева ч. I. сл. верста и десятина. Пер.*

(71) *Festus v. sulci, v. primigenius sulcus.*

да, что самыя естественныя, обыкновенныя дѣйствія могутъ имѣть глубочайшее знаменованіе; но въ древнемъ мірѣ вездѣ просіяваетъ какой-то особенный взоръ; новый владыцѣ въ немъ не довольствуется простымъ договоромъ, въ силу коего онъ пріобрѣтаетъ право на землю; онъ хочетъ утвердить и запечатлѣть его на самомъ грунтѣ, почвѣ земли.

То же говоритъ и другой рядъ Сагъ древнѣйшихъ, кои, подобно вышеприведеннымъ, имѣютъ предметомъ одержаніе земли; здѣсь поставляется условіемъ *покрытіе земли звѣриными кожами*. Нѣтъ нужды, что сего втораго рода Саги представляются въ видѣ хитрости, предпріятной противу хозяина земли, а тамъ дѣйствуетъ произвольное согласіе жалующаго. Ибо торжественность дѣйствія и признаніе дѣйствительности принятой мѣры остаются въ идеѣ полными, неприкосновенными. Вотъ нѣсколько примѣровъ втораго разряда Сагъ: Дидона покупаетъ въ Африкѣ столько земли, сколько можетъ обложить оной звѣриною кожею; послѣ сего разрѣзываетъ ее на малые ремни и облагаетъ ими большой участокъ земли, который, не смотря на то, и дѣлается ея дѣйствительнымъ пріобрѣтеніемъ (72). Наша народная книга о

(72) Virgilius Aen. 1. VII Justin. XVIII. 4. 5.

прекрасной Мелюзинъ сказываетъ нѣчто похожее о Раймундѣ, который, получивъ у нѣкого Графа Поаншпра столько земли, сколько можетъ покрыть ее козлиною кожею, разрѣзываетъ ее на тонкіе ремешки. Наконецъ въ одномъ Сѣверномъ мифѣ Ифаръ, сынъ Рагнара, дѣлаетъ условіе съ Элли, Королемъ Англійскимъ, чтобы сей поступился ему такою частію земли, какую онъ можетъ покрыть кожею вола, и, получивъ согласіе, разрѣзываетъ ее на самомельчайшіе ремешки (73).

Древнее Нѣмецкое Право относительно пожалованій и повинностей особенно любитъ выкинуть какой нибудь затѣйный, дающій полную свободу игрѣ случая, способъ опредѣленія, вмѣсто сухаго, мертваго слова. Подати, когда расписываются съ подробностію, въ самыхъ чувственныхъ, мелкихъ частяхъ, остаются неизвѣстны въ общей сложности дохода. Наслѣдный Маршалъ имѣлъ право опустить жезль свой въ ларь, наполненный лучшимъ овсомъ, и власень былъ кормить изъ него лошадей до томѣ, пока потѣ жезль могъ стояти твердо; а длина его должна была быть въ полпора ларя. Кухмистеръ, опираясь съ мѣста, когда находилъ на полу лежащій хлѣбъ, имѣлъ право подпустить

(73) Ragnar Lodbrottsfaga с. 19. 20.

къ нему лошадь свою, и сколько идешь хлѣба на лошадь, дабы накормишь ее до опвалу, то все безпрекословно надлежало ему дать (74). Сюда же относится и извѣстное обыкновеніе бросать ломни хлѣба и булки на землю къ ногамъ оправданнаго, доколѣ эша хлѣбная груда не *превыситъ самыхъ колѣнь* его.

Еще нѣсколько другихъ законодательныхъ опредѣленій требуемой величины (75), силы, множества, имѣютъ всю пѣнпическую точность и подробность. Въ вышеприведенномъ нами Дрейэйскомъ Лѣсномъ Уставѣ говорится: „буде онъ сего не сдѣлаешъ, то (владелецъ пашни, нашедшій оленя на ловищѣ) долженъ заплащивъ 60 шиллинговъ продажи (76) пфенниговъ и одинъ гельблингъ, да плаваго быка съ возвышенными рогами

(74) Подобнымъ образомъ въ Русской Правдѣ говорится: „а самоу (Судѣ) пхати съ отрокови на дву коню. Суть же или по другимъ спискамъ, сътати на ротъ овсъ . . . а инѣмъ кормомъ, что има трєво възлєстѣ.“ Пер.

(75) Припомнимъ здѣсь одно прекраснѣйшее мѣсто изъ Сѣвернаго стихотворенія: Сигурдъ былъ такъ великъ и высокъ, что когда опоясывалъ себя седмиденный мечъ и шествовалъ по полю, высочайшіе класы едва касались влагалища его меча.

(76) Festus: *Patalem bovem* Plautus appellat, cuius cornua diversa sunt ac late patent.

(77) и съ половою цвѣта оловяннаго; но если по будешь лань, то долженъ дать плавую корову, съ возвышенными рогами и съ половою цвѣта оловяннаго, да 60 шиллинговъ пфенинговъ и одинъ гельблингъ; за серну полагается 60 шил. пфен. и одинъ гельб., да плавая коза.“ — Тамъ же: „если владыцѣ найдеть оленя, лань или серну... „едъ воронъ могъ бы утаить свою голову.“ „Или собака такъ мала, что не достигаетъ до его (смотря на лѣса) стрелени, то онъ долженъ ее пускать.“ „Если владыцѣ дасть лугамъ и пашнямъ своимъ зараспашъ лѣсомъ, и лѣсъ дѣлается такъ великъ, что два вола подъ однимъ ярмомъ не съ состояніи свалить дерева: то онъ не можетъ располагать имъ безъ позволенія лѣснаго надзирающаго.“ Въ Бюдингскомъ Лѣсномъ Уставѣ 1425 г.: онъ можетъ срубить дуплистый букъ по то мѣсто, до котораго въ состояніи достать съ земли то-

(77) Сему слову въ Нѣмецкомъ подлинникѣ соотвѣтствуетъ *Sebe*, коимъ означаетъ все, что дается между людьми, что служитъ предметомъ сообщенія, *quod in commercio apud homines est*. Почему и въ Русской Правдѣ, по сему соображенію съ Нѣмецкимъ Уставомъ, слово *продѣжа* не будетъ первоначально значить *пени*, но вообще все, что можетъ быть даваемо и принимаемо, что находится во всеобщемъ ходу или употребленіи между людьми. *Пер.*

поромъ своимъ.“ Приспавы и учаспники въ управленіи лѣсною округою въ Оснабрикѣ присуждаютъ главному Управителю „высшій стулъ съ подушками, кубокъ съ виномъ, жезлъ для защиты лѣсной округи; влагалище для храненія въ немъ штрафныхъ денегъ, и сполько свиней (для откормленія въ лѣсу), *сколько ихъ можно прогнать калиткою отъ восхожденія до захожденія солнца.*“ Тамъ же: „сполько гоняшь свиней, сколько илимъ илиметъ листьевъ въ срединѣ лѣта;“ формула для выраженія безконечнаго множества. Въ Саксонскомъ Зерцалѣ 1. 35: „всѣ сокровища, *глубже лежація подъ землею, глѣмъ идетъ плугъ, принадлежащія въ собственность Королю;*“ „рышь *такъ глубоко, какъ одно иу челоуѣку подъ силу прорызать землю мотыкой;*“ „спроишь заборъ или спѣну въ такую вышину, *какъ челоуѣкъ, сидя на конѣ, можетъ достать (мечемъ?)*“ III. 82.: „судья извѣщаетъ письменно, когда подсудимый найдется такъ далеко, что до него нельзя дойти однажды поѣвши,“ т. е. если тяжущіеся живутъ близко, то вызовъ дѣлается устно; если же жителство ихъ такъ далеко, что разсыльщикъ долженъ взять на дорогу хлѣба въ отвращеніе голода, то письменно. Известно, что въ нашей Поэзіи мзда вѣспника часто называется хлѣбомъ вѣспника (Votensbrot). И

такія же опредѣленія длины, величины можно почерпнуть и въ Поэзіи; такъ она выражается: цѣловаться такъ долго, что другой пъмъ временемъ могъ бы пройти полчаса пути;“ или: „Священникъ прочиталъ бы обѣдню (78), „иной прошелъ бы миль двѣ, пока она пришла въ себя“ (отъ обморока), „что можно бы было пройти полмили по хорошему пути“ и т. п.

(Продолженіе впрѣдь.)

III.

К Р И Т И К А.

Еще о Борисѣ Годуновѣ, стихотвореніи А. С. Пушкина.

(Окончаніе.)

Разсматривая стихотвореніе Пушкина въ отношеніи ко второму требованію Литературной Критики, т. е. въ отношеніи къ изображенію характеровъ, мы должны прежде всего замѣтить, что эта часть эстетической обработки въ сочиненіи, подобномъ Борису

(78) По-Испански: quanto una missa rezada. Silva p. 257.

Годунову, необходимо находящаяся въ связи съ развитіемъ самаго событія; ибо характеры суть пружины событія, и въ событіи отражаются изгибы характеровъ, такъ что гдѣ нѣтъ рѣзкихъ чертъ дѣйствія, принимая это слово въ самомъ обширномъ его смыслѣ, тамъ нельзя видѣть и нравственной значительности дѣйствующихъ. — Смотри съ этой точки зрѣнія, мы легко объясняемъ себѣ и то, почему въ Борисѣ Годуновѣ нѣтъ ни одного глубокаго характера, тогда какъ всѣ дѣйствующія лица превосходно выполняютъ роли свои въ той степени, которую назначилъ имъ Поэтъ, выключая только лице Марины Мишкевъ, неестественное, фантастически уродливое, дающее самому Самозванцу въ сценѣ при Фонтанѣ видъ литературной нелѣпости; впрочемъ, причина неудачнаго развитія послѣдняго характера также очевидна — ясно, что въ этой одной сценѣ онъ хотѣлъ выказать всю Марину Мишкевъ, надменную Полюку, будущую Царицу Русскую; но гений вдохновенія не помогъ ему, и онъ испортилъ оба портрета, и Марини, и самого Самозванца; къ тому жъ, мы не понимаемъ, за чѣмъ погнался Поэтъ: — Мишкевъ здѣсь есть лице совершенно второстепенное; оно по всѣмъ правамъ могло быть въ тѣни карлины.

Но возьмите самого Бориса Годунова — какъ хорошъ онъ, какъ естественъ въ этомъ маленькомъ объемъ, который опредѣленъ ему Сочинителемъ! Какое тонкое припворство, какая очаровательная гибкость видны въ первомъ обращеніи его къ Патріарху и Боярамъ!

Ты, отче Патріархъ, вы всѣ, Бояре, —
Обнажена моя душа предъ вами —
Вы видѣли, что я приѣмлю власть
Великую и пр.

Далѣе, не назначивъ ему развитія высшаго, Сочинитель дѣлаетъ изъ него въ половину раскаивающагося преступника; здѣсь также нѣтъ ничего глубокаго: но сія неглубокая мысль выражена опянь превосходно; съ какою полною отзывается въ душѣ Бориса это, еще глухое для него чувство:

Я дочь мою ~~лишь~~ осчастливилъ бракомъ,
Какъ буря смерть уноситъ жениха. —
И такъ молва лукаво нарекаетъ
Винникомъ дочеряго вдовства
Меня, меня, несчастнаго отца!
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца тайный!
Я ускорилъ Θεодора кончину,
Я отправилъ свою сестру Царицу,
Монахиню смиренную... все я, и пр.

Или въ словахъ, которыя онъ произноситъ, смотря на Ксенію, преслѣдуемый тою же мыслию:

Что, Ксенія? Что, милая моя?

Въ невѣстахъ ужъ печальная вдовица...

Соображаясь съ историческими извѣстіями, Пушкинъ не хотѣлъ опустить изъ виду того, что Борисъ начиналъ уже любить просвѣщеніе; и вы читаете нѣсколько стиховъ самой художнической отдышки, въ которыхъ сквозитъ уваженіе къ Наукѣ:

— — Вотъ сладкій плодъ ученья!

Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть

Все царство вдругъ, и пр.

Эта сцена прерывается приходомъ Семена Годунова. Любимецъ царскій, Семенъ Никитичъ, доноситъ, что дворецкій *Князь Василья и Пушкина слуга* сказывалъ ему о гонцѣ изъ Кракова, о пированьи и пайной бесѣдѣ Шуйскаго съ Пушкинымъ. Въ слѣдъ за симъ Шуйскій является самъ и начинаетъ намѣкать о Самозванцѣ. Здѣсь спраненъ для насъ приступъ его: видна хитрость, желаніе смягчить непріятную вѣсть, желаніе какъ можно долѣе не произносить роковаго имени; но стихи:

— — безмысленная чернь

Измѣничива, мятежна, суевѣрна,

Легко пустой надеждѣ (*на что?*) предана,

Мгновенному внушенію послушна,

Для истины глуха и равнодушна,

А баснями пищается она.

Ей нравится безстыдная *отвага*

Такъ если сей нездѣмый *бродяга*...

напоминають какъ-то Олѣгина; здѣсь этакъ толкъ, самая этакъ рѣчѣвка не могутъ быть приличны.

Но не теряя изъ виду Бориса Годунова, укажемъ въ сей же сценѣ еще на одну изысканную черту, рисующую превосходно Царя, въ душѣ сознающаго непрочность своей власти:

Послушай, Князь: взять мѣры сей же часъ ,

и

Подумай, Князь. Я милость обещаю ,

Прошедшей лжи опалою напрасной

Не накажу, но если ты теперь

Со мной хитришь.....

Последняя сцена кончины Царя суха, неестественна; Сочинитель въ ней сбился, какъ въ сценѣ Маринны Мнишекъ съ Самозванцемъ.

Такимъ образомъ мы прошли всю роль Бориса, и кромѣ одного замѣчанія относительно умирающаго Царя, сказывающаго какую-то политическую проповѣдь, не могли ни на чемъ болѣе остановиться, какъ только на мѣстахъ, имѣющихъ истинно художническое достоинство, хотя они и не носятъ на себѣ признаковъ глубокой Поэзіи.

Угодно ли обратить теперь вниманіе еще на другія лица? Мы укажемъ на Шуй-

скаго и Воробьевскаго, изображенныхъ отлично хорошо, ибо характеры ихъ развиты столько, сколько можно требовать; укажемъ на всѣ лица впороспеленныя, неимѣющія прямого отношенія къ движенію событія. Впрочемъ и Самозванецъ, исключая несчастную сцену съ Мариной и превосходную съ монахомъ Пименомъ, также вездѣ довольно хорошъ. Онъ незначителенъ, какъ и Борисъ; но о причинѣ этого мы уже говорили. Наконецъ укажемъ на Курбскаго, этого пылкаго юношу, котораго чистая душа, любящая свое отечество, такъ радостно выливается въ словахъ:

Вошь, вошь она, вошь Русская граница!
Святая Русь! отечество! Я твой...

Словомъ, Пушкинъ вездѣ почти превосходно выполнилъ то, что онъ взялъ на себя въ слѣдствіе основной своей мысли; но что онъ слишкомъ мало предположилъ къ выполненію, это всегда будетъ его виною.

Въ заключеніе мнѣнія нашего о достоинствѣ Бориса Годунова въ отношеніи къ живописи характеровъ, мы должны указать также и на общій недостатокъ сочиненія — это излишній мѣстами лиризмъ въ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ и чрезмѣрная иногда охота ихъ къ разсужденіямъ. Сюда относятся въ сценѣ Пимена стихи:

*И пылъ въковъ опъ хартій опряхнувъ,
Правдивыя сказанья перепишетъ,
Да вѣдаютъ потомки*

*Минувшее проходитъ предо мною —
Давно ль оно несло съ событій полно,
Волнуясь, какъ море Океанъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно.*

*Я угадашь хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ :
О тѣлномъ ли владыгествѣ Татарь?
О казнѣхъ ли свирѣпыхъ Іоанна?
О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣгъ?
О славѣ ли отечества.*

*Такъ точно Дьякъ, въ приказахъ поспѣлый (спр.
14, 15).*

Въ рѣчи Бориса :

*— — — Не такъ ли
Мы смолоду влюблялися*

*Я отворилъ имъ житницы, и злато
Разсыпалъ имъ (спр. 28).*

Вся почти сцена (спр. 70, 71, 72, 73),
гдѣ къ Самозванцу подходятъ Курбскій, Со-
бальскій, Хрущовъ, Карела и наконецъ По-
эпъ, дышитъ какъ-то, не смотря на все
пзѣщество опдѣлки, ходульною Поэзіей оп-
цовъ-Классиковъ. О разговорѣ же Маринны Мни-
шекъ съ Самозванцемъ и длинной рѣчи умн-
рающаго Царя — нами было уже замѣчено.

Теперь остается еще сказать объ историческом колоритѣ Бориса Годунова.

Въ эпосѣ отношеніи Пушкинъ — само совершенство. Никто до сихъ поръ изъ нашихъ Поэтовъ не умѣлъ съ такимъ искусствомъ и силою списывать предметы, какъ онъ; ибо Пушкинъ собственно Поэтъ напугуры; доказательство этому мы видимъ во всѣхъ прежнихъ его сочиненіяхъ. Теперь, обратившись къ Исторіи, національный по поэтическому своему значенію, онъ и здѣсь превосходно выполнилъ мысль свою въ эпосѣ отношеніи: въ Борисѣ Годуновѣ, какъ въ художнической панорамѣ, вы видите весь духъ того времени, все значеніе тогдашней Руси, начиная отъ словъ Бориса :

А шамъ — сзывать весь нашъ народъ на пиръ,
Всѣхъ, отъ вельможъ до нищаго слѣнца,
Всѣмъ вольный входъ, всѣ гости дорогіе....

до благочестиваго негодованія Патриарха:

„Ужъ эшч мнѣ грамотѣ.... Эка ересь!
Буду Царемъ на Москвѣ...! Поймать, поймать
врагоугодника!“

Начиная отъ боярскаго прованья въ домъ Шуйскаго и каршины Царева семейства (спр. 53, 54), до желѣзнаго колпака юродиваго, бывшы 21 Декабря 1604 года и собранія народнаго на Лобномъ мѣстѣ:

Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха?

Народъ.

Въспримо нѣтъ

Народъ.

Что толковать? Бояринъ правду молвилъ.
Да здравствуетъ Димитрій, нашъ отецъ!

Мужикъ на алвонтъ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ царскія палаты,
Ступай вязать Борисова щенка! — (стр. 139).

Потомъ въ Кремль у Борисова дома:

Нищій. Дайте милостыню, Христа ради!..

Стража. Поди прочь

Одинъ изъ народа. — Братъ да сестра!

Бѣдныя дѣти, что пшашки въ клѣшкѣ!

Другой. Есть о комъ жалѣть! проклятое пле-
мя и проч.

Вотъ все, на что считаемъ мы нуж-
нымъ указать при разсмотрѣннн и оцѣнкѣ
такого сочиненія, каково Борисъ Годуновъ.
Говорить о языкѣ Пушкина — значило бы
только хвалить его. Нѣсколько ничтожныхъ
замѣчаній, сдѣланныхъ съ стараніемъ журналь-
наго Крипика, подбирающаго соринки, не по-
служили бы здѣсь ни къ чему — и мы предоспа-
ваемъ этакъ трудъ охотникамъ. При томъ
же всѣ мелочныя недостатки въ стихотворе-
ннн Пушкина такъ видны каждому изъ чита-

телей съ образованнымъ вкусомъ, что не стоить даже и труда останавливаться на нихъ.

И такъ результатъ замѣчаній сихъ есть слѣдующій. Въ Борисъ Годуновъ, изложенномъ поверхностно, слегка, не раскрыта истинная Поэзія событія, имѣющаго особенное значеніе въ нашей Исторіи, но тѣмъ не менѣе онъ остается изящнымъ произведеніемъ Пушкина; Борисъ Годуновъ, по мысли своей, стоитъ выше другихъ сочиненій Пушкина, хотя и не удовлетворяетъ вполне разнообразію родившихся припомъ требованій относительпо отдѣлки; наконецъ Борисъ Годуновъ есть историческій Онѣгинъ, Онѣгинъ высшаго объема, въ которомъ рисуются черты народной жизни почти такъ, какъ въ Евгеніи Онѣгинъ вы видите черты жизни частной.

Въ заключеніе всего предстоить намъ еще вопросъ: сдѣлалъ ли Пушкинъ хорошо, что, оставивъ прежній, цвѣтисстый, игривый и неполный по объему своему родъ сипхотвореній, обратился къ новому, болѣе значительному, болѣе обширному, но вмѣстѣ съ тѣмъ и болѣе трудному, котораго требованія простираются на большую степень талантности, нежели требованія сочиненія, подобнаго Онѣгину? — Мы здѣсь въ особеннсти указываемъ на Онѣгина потому, что онъ есть чистый и полный результатъ все-

го прежняго направленія Поэзіи Пушкина. Словомъ: по силамъ ли своимъ избралъ Пушкинъ новое для себя поприще? Рѣшить этого мы еще не можемъ. Чѣмъ Борисъ Годуновъ не удовлетворяетъ условіямъ своего рода — мы уже видѣли; пошому, что сдѣлать изъ него историческаго Онегина, изваявъ сцены, внесенныя прозаическимъ перомъ монаха — Лыпописца въ Хроники Русскаго народа, не ожививъ ихъ игрою поэтической идеи, какъ сдѣлалъ Пушкинъ, значить писать Исторію въ стихахъ и неудовлетворительно, ни въ отношеніи содержанія сочиненія, ни въ отношеніи самаго мнѣнія о Сочинителѣ: но Борисъ Годуновъ есть еще первое произведеніе нашего Поэта въ семъ родѣ, и если А. С. Пушкинъ когда нибудь въ эпой пространной рамѣ раскроетъ талантъ свой столько, сколько раскрылъ его въ кругу мелкихъ происшествій съ *плѣнными казаками, Алеко и лицами свѣтскаго быта*, то, безъ всякаго сомнѣнія, спокрастъ выкупитъ всѣ неудачи, возможныя для пера его.

И. Ср. Капашевъ.

IV.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

ОБЗРѢНІЕ ПОВѢЙШИХЪ ПРОИСШЕСТВІЙ.

Ф р а н ц і я.

Новый Префектъ Полиціи въ Парижѣ, Г. Сонье, учредилъ Статистическое Бюро, которое будетъ собирать всѣ свѣдѣнія, важныя для сей Науки, и ежегодно издавать оныя; онъ предполагаетъ также учредить Бюро улучшеній, для разсматриванія многочисленныхъ проектовъ, подаваемыхъ Префекту. По случаю происходящихъ въ Парижѣ безпокойствъ, Г. Сонье почелъ нужнымъ также увеличить число Полицейскихъ Коммисаровъ, и провозвести въ нѣкоторыхъ домахъ обыски для открытія запрещеннаго оружія.

Безпокойства и смятенія распространились по всей Франціи; злонамѣренныя люди, пользуясь обстоятельствами, возмущаютъ народъ подъ разными предлогами. Такъ въ Греноблѣ, Тулузѣ и Тулонѣ безпорядокъ начался при полученіи извѣстія о взятіи Варшавы; въ Анжерѣ поводомъ къ мятежу послужили высокія цѣны на хлѣбъ; въ Эксѣ происходила драка между Карлистами и Филиппистами (приверженцами нынѣшняго Правленія), по случаю выбора офицеровъ народной гвар-

діи. Но неустройства сіи нигдѣ не были такъ важны, какъ въ Страсбургѣ. Причиною сихъ смятеній, или лучше сказать предлогомъ оныхъ, были пошлины на скотъ и нѣкоторые другіе предметы первыхъ потребностей, привозимые изъ-за границы. Пошлины сіи произвели замедленіе въ ходѣ торговли, ибо и другія Правительства, по закону возмездія, наложили большія пошлины на Французскія произведенія. $\frac{25}{13}$ Сентября въ 6 часовъ утра, началось въ народѣ волненіе: толпы бѣгали по улицамъ, крича: долой таможеню и монополию, да здравствуетъ свобода! и, какъ водится: долой Министровъ! Національная гвардія, вмѣсто водворенія порядка, присоединилась къ мятежникамъ, бѣгала вмѣстѣ съ ними по улицамъ и повторяла тѣ же вопли. Начальство принуждено было запретить всѣ городскія вороша, поставивъ войска подъ ружье, раздать имъ боевые снаряды и разставить по площадямъ пушки. Около 1000 человекъ народной гвардіи собралось предъ Аустерлицкими воротами съ тѣмъ, чтобы заставивъ линійныя войска сдать имъ сей постъ. Во всемъ городѣ царствовало величайшее смятеніе. До десяти часовъ производили мятежниковъ производили переговоры съ начальствомъ города. Народъ требовалъ уменьшенія пошлинъ, кошорыя, какъ говорятъ, дѣйствительно падаютъ въ Страсбургѣ не на предметы роскоши, но на самыя необходимыя потребности, и въ особенности на хлѣбъ. Презекшъ Департамента, Г. Но де Шамплуи, въ 11 часовъ объявилъ, что жалобы народа будутъ выслушаны, но что угрозы бесполезны и благопріятнаго дѣй-

ствія произвести не могутъ. Городъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Префектъ, впредь до полученія повелѣній, уменьшилъ въ половину пошлину на приводимый изъ-за границы скотъ. Въ слѣдствіе сего національная гвардія отправилась на свои сборныя мѣста, и народъ разошелся по домамъ. По возстановленіи спокойствія, жители подали въ Рашушу прошеніе на имя Короля, о совершенномъ сложеніи означенной пошлины. Общество купцевъ отправило къ Королю, чрезъ Коммерческое Правленіе (*Chambre de Commerce*) другое прошеніе о облегченіи транзита и учрежденіи порто-франко. По полученіи въ Парижѣ извѣстія о сихъ безпорядкахъ, Префектъ Нижне-Рейнскаго Департамента (когого главный городъ Спрасбургъ) Г. Но де Шамплуи, смѣненъ, и на мѣсто его назначенъ бывший Префектъ Дубскаго Департамента, Г. Шопенъ д'Арнувиль. Въ Спрасбургъ тотчасъ послано повелѣніе, которымъ опредѣленіе Префекта объ уменьшеніи привозной пошлины на скотъ отмѣнено, а всѣ подати и налоги предписано взимать по прежнему. Твердость Правительства произвела благопріятное дѣйствіе, ибо повелѣніе сіе безпрепятственно исполнено и спокойствіе болѣе нарушаемо не было. Впрочемъ неудовольствіе жителей Спрасбурга можно уже было угадывать и потому, что они выбрали въ Депутаты извѣстнаго республиканца Лафайетта и Кульмана, который въ самой первой своей рѣчи говорилъ съ такимъ неистовымъ жаромъ о Республикѣ и законности сопротивленія народа властямъ, что Палата громкими

криками: *à l'ordre!* напоминала ему о соблюденіи приличій и порядка.

Пишутъ изъ Валансьенна, что на равнинѣ Брюиль-ле-Сентъ-Амандъ, при впаденіи Скарпы въ Шельду, расположенъ будетъ лагерь. Маршалъ Жераръ, Генералъ Сентъ-Сиръ и Интендантъ арміи осматривали уже мѣстоположеніе. Сѣверная армія увеличена пѣхотною дивизіею и двумя кавалерійскими бригадами.

Сорпантъ, извѣстный начальникъ шайки шуановъ, явился было съ покорностію къ начальнику стоящаго въ Вандѣ полка, но не сдержалъ своего слова, и по прежнему ходитъ по западнымъ Департаменштамъ, грабитъ и обезоруживаетъ жителей.

Военный Министръ предписалъ всѣмъ Генераламъ, чтобы смертные приговоры въ Военныхъ Судахъ были представляемы на утвержденіе Королю.

Изъ Алжира пишутъ, что тамъ множество солдатъ страдаетъ поносомъ, и число больныхъ такъ велико, что половина ихъ будетъ перевезена въ Марсель.

Королевская фамилія перѣехала въ Тюльерійскій Дворецъ въ слѣдствіе объявленія врачей, что въ случаѣ появленія въ Парижѣ холеры, въ Пале-Рояль жить было бы опасно.

Одинъ путешественникъ, посѣщавшій новый островъ, образовавшійся близъ Сициліи, рассказываетъ, что изверженіе огня на немъ окончилось; но въ жерлѣ кипитъ вода, изъ которой поднимается

напитанный сѣрою паръ. Края жерла имѣють отъ 30 до 80 футовъ въ вышину. Въ центрѣ почва возвышается надъ поверхностію моря на 200 футовъ. Англичане водрузили на семъ мѣстѣ свое знамя, въ знакъ владѣнія сею землею, на которой впрочемъ жить еще не возможно, ибо она еще тепла и море вокругъ дымится.

Для облегченія Парижской національной гвардіи, линійныя войска занимають съ 1-го Октябрю нѣкоторыя мѣста, на которыхъ она содержала караулъ.

Депутація Нижне - Луарскаго Департамента поднесла Королю адресъ жителей Нанта, въ коемъ они изъявляютъ негодованіе, произведенное въ нихъ послѣдними безпокойствами въ Парижѣ.

Король недавно осматривалъ Венсенскій замокъ и другія мѣста въ окрестностяхъ столицы, и въ слѣдствіе сего усилены работы, принятыя для укрѣпленія Парижа.

Ночью на 29 Сентября, на всѣхъ перекресткахъ въ предмѣстіи Св. Іакова въ Парижѣ, прибиты были украшенные лиліями прокламаціи съ надписью: да здравствуетъ Генрихъ V! Въ послѣднее время появилось также множество большихъ бронзовыхъ медалей съ изображеніемъ Герцога Бордосскаго и съ надписью: „Генрихъ V, Король Франціи и Наварры.“ Число выставлено: 2 Августа 1830, т. е. день отреченія Карла X и Герцога Англемскаго.

Знаменитый Шатобріанъ былъ недавно въ

Парижѣ, но снова уѣхалъ въ Женеву и, какъ говорятъ, будешь ожидать въ уединеніи окончанія преній о Перскомъ достоинствѣ.

Пронесся было слухъ, что въ Кале оказалась холера, но извѣстіе сіе, къ счастью, оказалось ложнымъ.

Изъ Алжира привезли пятнадцать молодыхъ Мавровъ значныхъ фамилій, которые будутъ воспитываться, на счетъ Правительства, въ Марсельской Гимназіи.

Изъ Шарлеруа пишутъ, что къ 30 Сентября Французскія войска совершенно очистишь Бельгію.

А н г л и я.

Лондонъ. Въ Верхней Палатѣ строятъ обширныя галереи для публки на время преній о биллѣ о преобразованіи Нижней Палаты. Перы намѣрены собираться въ Палату въ 10 часовъ и сидѣть до 5 по полудни. (Извѣстно, что Англійскія Палаты собираются обыкновенно послѣ обѣда и просиживаютъ иногда цѣлыя ночи, почему Члены не шорошатся домой, подстрекаемые голодомъ, какъ это часто случается во Французской Палатѣ Депушатовъ.) На случай втораго чтенія билля сдѣланы уже многочисленныя заклады. Одинъ Лордъ прозакладывалъ значную сумму о томъ, что оное будетъ отвергнуто большинствомъ 40 голосовъ, между тѣмъ какъ другіе держатъ 3 противъ 1, о томъ, что билль сей будетъ принятъ. Полагають, что

если билль, противъ всякаго ожиданія, будетъ Верхнею Палатою отвергнутъ, то Парламентъ немедленно будетъ закрытъ.

24 Сентября 260 Членовъ Нижней Палаты, приверженцы билля о преобразованіи, давали великолѣпный обѣдъ Лордамъ Русселю, Альторпу, Пальмерстону и другимъ Членамъ Кабинета, предложившимъ и поддерживавшимъ билль сей въ Нижней Палатѣ. Надобно замѣтить, что на твердой землѣ Европы нѣтъ ничего подобнаго Англійскимъ политическимъ обѣдамъ. Напримѣръ, въ Лейстерѣ, по случаю послѣднихъ выборовъ, данъ былъ обѣдъ, въ которомъ участвовали 2800 избирателей. Присемъ съѣдено 4000 фунтовъ ростбифа и 3000 хлѣбовъ, выпито 2500 галлоновъ или 14.000 литровъ пива, и выкурено 100 фунтовъ табаку, для чего употреблено 3000 трубокъ. Для этого обѣда приготовлено было 9000 тарелокъ, 3200 ножей и вилокъ, 600 блюдовъ и 4000 кувшиновъ на пиво. Въ залѣ пиршества играло 300 музыкантовъ.

Маркизь Пальмелла уѣхалъ изъ Лондона въ Парижъ, къ Дону Педро. Онъ найдетъ тамъ Графовъ Фунхаля и Виллареала. Они всѣ трое были Посланниками въ Лондонъ, весьма привержены къ Донъ Маріи и будутъ составлять Совѣтъ Дона Педро. Въ последнее время армія Терсейрскаго Регентства почти удвоилась, ибо въ нее вступило множество волонтеровъ изъ солдатъ и жителей оспрововъ Фаяля и Санъ-Мигуэля. Графъ Виллафлоръ начальствуетъ нынѣ войскомъ, со-

стоящимъ изъ 5000 хорошо вооруженныхъ солдатъ. Г. Ридъ, Англійскій Генеральный Консулъ на Азорскихъ островахъ, отзываясь съ отличною похвалою о дисциплинѣ и храбрости сихъ войскъ, объ умѣренности правленія Регентства, и особенно о самомъ Графѣ Вилламорѣ.

Сиръ Вальтеръ Скоптъ отправился съ дочерью своею на твердую землю, съ тѣмъ, чтобы провести зиму въ Неаполѣ. Адмиралтейство отдало въ его распоряженіе казенный корабль.

Читатели наши, вѣроятно, знаютъ, какъ много догадокъ было о томъ, почему Принцесса Викторія, предполагаемая Наслѣдница Престола, не присутствовала при коронаціи Короля; теперь это объяснилось: она такъ слаба ногами, что ее, даже по комнатамъ, возятъ въ колясочкѣ; впрочемъ она въ последнее время жила на островѣ Вайтъ, и здоровье ея весьма поправилось отъ морскаго воздуха.

Н и д е р л а н д ы.

Гага. Королевская Фамилія, во время пребыванія своего въ Амстердамѣ, посѣлила Саардамъ, гдѣ, какъ извѣстно, Петръ Великій учился кораблестроенію. Домикъ, въ которомъ жилъ основатель величія Россіи, былъ купленъ Королемъ и подаренъ Принцессѣ Оранской, при рожденіи втораго сына Ея Высочества. Во время завтрака въ семь домикъ, Принцесса, въ память сего дня и побѣдъ своего супруга, вставила въ стѣну мраморную доску, съ надписью: „Вильгельмъ I, Ко-

роль Нидерландскій, Вильгельмина, Королева Нидерландская, 22 Сентября 1831. Вильгельмъ, Принцъ Оранскій, Фельдмаршалъ, Гассельштъ, 8-го, Лувенъ 12-го Августа 1831.“ Присемъ одна знатная дама подавала Ея Высочеству тѣ самыя орудія, которыми въ 1814 году Императоръ Александръ вдѣлалъ въ сей домъ камень съ надписью: „Petro Magno Alexander.“

Въ Journal de la Haye утверждаютъ, что по выступленіи Французскихъ полковъ изъ Бельгій, солдаты большею частію возвращаются переодѣтые, и вступаютъ въ армию Короля Леопольда подъ именемъ Бельгійцевъ изъ южныхъ провинцій.

3-го Октября н. ст., Ихъ Высочества Принцъ Оранскій и Принцъ Фридрихъ съ Принцемъ Альбрехтомъ Прускимъ, посѣщали крѣпость Бергенъ-опъ-Цоомъ; первый изъ нихъ посѣтилъ также Антверпенскую крѣпость, а второй эскадру на Шельдѣ, и, по стеченію обстоятельствъ, въ то же самое время, какъ Король Леопольдъ былъ въ городѣ Антверпенѣ. Король Леопольдъ случайно подъѣхалъ къ берегу въ то самое время, какъ Голландскіе Принцы плыли мимо на пароходѣ.

Т у р ц і я.

Англійскій Посолъ, Сиръ Р. Гордонъ, отправился 30 Августа изъ Константинополя въ Лондонъ; должность его будетъ исправлять Секретарь Посольства, Мандвиль. — Пожары все еще продолжаются, и явно, что они суть дѣло поджигателей. 2-го числа былъ большой пожаръ: въ 24

часа сгорѣло нѣсколько кварталовъ. За три дня предъ симъ, пламя вдругъ вспыхнуло въ Арсеналъ; въ то же время сгорѣли Адмиралтейскій дворецъ и одна мечеть. — Чума еще свирѣпствуетъ во многихъ мѣстахъ города, но холера почти уже прекратилась.

Г р е ц і я.

Изъ Патраса пишутъ, что Маврокордато, предводительствовавшій мятежниками и бѣжавшій въ Идру, побитъ камнями; что Русскіе, Французскіе и Англійскіе корабли блокируютъ Идру и требуютъ выдачи зачинщиковъ мятежа. Говорятъ также, что Народный Конгрессъ будетъ созванъ къ 7 Сентября, и что ему предложено будетъ новый протоколъ Лондонской Конференціи о назначеніи Греціи Государя. Президентъ ожидаетъ сего протокола въ скоромъ времени. Правительство, какъ сказываютъ, намѣревается выпустить ассигнацій на 5 милліоновъ фениксовъ.

Р а з н ы я и з в ѣ с т і я.

Изъ Лиссабона увѣдомляютъ, что въ провинціяхъ Энтре-Миньо-э-Дуро и Трасъ-осъ-Монтесъ вспыхнуло возмущеніе.

Въ Римскомъ Дневникѣ (Diario di Roma) пишутъ, что Донъ Антонио да Альменда Португаль принятъ, 21-го Сентября, Папою въ качествѣ Посланника Е. В. Короля Португаліи и Алгарви. Впрочемъ, при объявленіи о семъ происшествіи сказано, что Папа въ семъ случаѣ

только признаетъ дѣйствительность, не входя въ разбирательство правъ.

Холера въ Венгріи во многихъ мѣстахъ прекратилась, въ другихъ ослабѣваетъ; въ Берлинѣ, по 8 Октября н. ст., заболѣло 1187 человекъ, выздоровѣло 281, умерло 747.

Курфирстъ Гессенъ Кассельскій, постановленіемъ отъ 30 Сентября, назначилъ Наслѣднаго Принца Соправителемъ, который и будетъ заведывать одинъ всѣми государственными дѣлами до возвращенія Курфирста въ столицу свою Кассель.

Въ послѣдней Конференціи по дѣламъ Бельгіи и Голландіи, положено продлить срокъ перемирія между сими Государствами, если до истеченія онаго миръ не будетъ еще заключенъ окончательно.

Мимо Копенгагена прошли два Русскіе линейные корабли и фрегатъ, которые возвращаются изъ Мальты въ Кронштадтъ.

8-го Октября.

